

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

С.Д. БОДРУНОВ

**НООНОМИКА:
БАЗОВЫЕ ВЕКТОРЫ ГЕНЕЗИСА**

2020 г.

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

С.Д. БОДРУНОВ

**НООНОМИКА:
БАЗОВЫЕ ВЕКТОРЫ ГЕНЕЗИСА**

2020 г.

С.Д. Бодрунов. Ноономика: базовые векторы генезиса / Научные доклады Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР, 2020. – 23 с.

ISBN 978-5-00020-081-0

© Бодрунов С.Д., 2020

**© Институт нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2020**

1. Кризис существующих теоретических моделей и социально-экономические трансформации

Современная экономика и общество в целом пребывают в кризисе. Этот факт, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений. «Спусковым крючком» этого кризиса стала пандемия новой коронавирусной инфекции Covid-19. С начала 2020 года, в течение 1 квартала, когда эта инфекция, впервые официально зарегистрированная на территории Китайской Народной Республики, вышла за ее пределы, и стала распространяться по миру, шло нарастание числа заболевших. Одновременно происходило теоретическое осмысление ситуации.

Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию. Вслед за этим стали закрываться границы, на национальном и региональном уровнях власти начали вводить различные, порой довольно жесткие, ограничения. Ограничения экономические и социальные. Второй и четвертый кварталы 2020 года ознаменовались чередой серьезных ограничений перемещения людей и даже, в отдельные периоды, локдаунов в развитых странах мира. Не избежала этих мер и Россия.

Итогом их осуществления стало невиданное в новейшей экономической истории падение глобального ВВП, снижение качества и уровня жизни населения, массовые банкротства бизнеса, стремительный рост безработицы и т.д. Кризисные экономические трансформации привели к социальным потрясениям. Появился и стремительно вошел не только в публицистическую, но и в научную лексику новый термин – «коронакризис».

Пандемия спровоцировала кризис, который по своим последствиям далек от завершения. И дававшиеся в конце года прогнозы на восстановление экономики в течение 1-2 лет уже, вероятно, следует пересматривать. «Вторая волна» пандемии толкает ситуацию к развитию по пессимистическому сценарию.

Парадигма макроэкономического и социального управления, выстроенная на платформе «рыночного фундаментализма», в период коронакризиса показала свою полную несостоятельность. Это – то, о чем мы в ИНИР им. С.Ю. Витте говорили и писали, о чем мы предупреждали в наших предыдущих дискуссиях и принимавшихся на конгрессах резолюциях в течение последних лет. Наши выводы подтвердила практика. Не было бы коронавируса – случился бы другой «толчок», который бы вывел экономику и общество из состояния равновесия. В терминологии Нассима Талеба, «черный лебедь» уже давно кружился над нами. И его прилет, роковой «взмах крылом» были лишь вопросом времени.

Следует сказать, что мы не были первыми, кто громко заявлял о необходимости отхода от однобокого видения модели развития человечества. Развития, тесно увязанного с идеалистически понимаемой рыночной концепцией хозяйствования, когда рыночные отношения активно проникают во все сферы жизнедеятельности общества: культуру и искусство, образованием и воспитание, здравоохранение, физическую культуру и спорт, науку, право и публичное управление и т.д.

Из важной, ключевой сферы, которая создает материальные условия для жизнедеятельности людей и развития общества, экономика (и, замечу в скобках, некоторые экономисты) стала претендовать на определяющую роль в обществе, когда финансовализация разрушает и деформирует те его сферы, которые по самой своей сути ограниченно коммерциализуемы.

Прогрессивные ученые, политики и общественные деятели из разных стран мира еще в 1990-е годы ощутили эту опасность. В результате была сформирована Концепция устойчивого развития, которая ныне нашла закрепление в системе из 17 Целей устойчивого развития, принятых на уровне Организации Объединенных Наций.

Наши концепции Нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики близки к Концепции устойчивого развития своим гуманистическим содержанием, признанием важности, но не первичности экономических целей в развитии современной цивилизации.

Цели устойчивого развития предлагают систему сбалансированных ориентиров, которые распространяются на экономику, экологию и социальную сферу.

Мы же, дополняя и развивая эту теорию, предлагаем инструментарий согласованного достижения этих целей через трансформацию технологического базиса экономики, придание ему знаниеинтенсивного характера, а социальным процессам – ноономического наполнения.

Современный коронакризис – следствие глобального кризиса 2008 года, глубинные причины которого не были устранены, кризис «залили деньгами» в рамках программ «количественного смягчения», в очередной раз снизили процентные ставки – до достижения ими отрицательных значений, мировой «центр» через систему неэквивалентных обменов и односторонне работающие глобальные институты управления переложил бремя своих долгов на и без того слаборазвитую «периферию».

То есть – проблемы не решили, напротив – еще более усугубили ситуацию. Заложили «мину замедленного действия». Рано или поздно она должна была сработать. И сработала – в 2020 году. И будет продолжать срабатывать до тех пор, пока будут продолжаться попытки использования устаревшего и неадекватного новым реалиям инструментария управления, выстроенного на методологической платформе «рыночного фундаментализма».

Сегодня нужны, обращаясь к популярной сегодня медицинской лексике, не «терапевтические», но «хирургические» меры. Нужны кардинальные преобразования. Но для их эффективного осуществления, для формирования новой системы институтов не методом проб и ошибок, а планомерно и целенаправленно, требуется новая теория. Основу ее мы заложили. Но она требует развития. И в первую очередь – вопросы о ее генезисе: источниках и составных частях, факторах развития.

На этих вопросах мы намерены здесь остановиться.

2. Ускорение научно-технического прогресса (НТП) как главный фактор трансформации современной социально-экономической модели

Как показывает ретроспективный анализ, развитие социально-экономической системы многовекторно. На разных исторических этапах состав наиболее важных факторов, влияющих на динамику и направленность этого развития, меняется. Начиная с последней четверти XX века и до настоящего времени в качестве определяющего фактора стал выступать научно-технический прогресс, совершенствование технологий.

Сегодня очевидно, что экономические лидеры уже ближайшего будущего – лидеры технологические. Поэтому именно этому вопросу следует уделить основное внимание и в научных исследованиях, и в практике разработки и реализации государственной политики.

«Мираж постиндустриализма» рассеялся. Сегодня уже не вызывает сомнений, что без развитого материального производства, промышленности не только достижение амбициозных целей, связанных с повышением уровня жизни людей, ростом конкурентоспособности экономики, надежным и устойчивым решением социальных задач, обеспечением эффективного природопользования и т.д., но даже сохранение статус-кво становится невозможным.

Но, говоря о реиндустриализации, о развитии промышленного производства, его возрождении, мы говорим о том, что эти процессы должны происходить на новой технологической основе. Ключевым фактором развития материального производства в современную эпоху становятся не природные ресурсы, не капитал или дешевый труд, как это было ранее, а знания. Новые знания, которые касаются, прежде всего, новых технологий деятельности.

Новое производство отличается от традиционного своей высокой знаниеинтенсивностью, а производимый им продукт – высокой знаниеёмкостью. Именно

от лидерства знаниевого, прогресса в сфере извлечения знания, выявления способов его производительного использования, тиражирования и активной диффузии новых, высопенетрационных технологий, освоения их максимально возможным числом экономических субъектов, зависит успех в социально-экономическом развитии не только нашей страны, но и мировой экономики в целом.

Важнейшую роль в этих вопросах, помимо национальной инновационной системы, должна сыграть фундаментальная и прикладная наука, система многоуровневого образования, которое направлено не только на формирование профессиональных, но и общекультурных компетенций. Образование сегодня активно трансформируется в «образование на протяжении всей жизни», превращаясь из утилитарного «рынка образовательных услуг», до уровня которого оно низведено в рамках идеологии рыночного фундаментализма, в ключевой институт развития.

По нашему мнению, знание технологическое, система его выделения (наука), тиражирования и диффузии (образование), использования (производство) должно быть тесно увязано с культурой, с развитием потребностей, формированием нового отношения членов общества к способам их удовлетворения, присущего ноономике.

Технологическое развитие происходит неравномерно. Оно обладает собственным жизненным циклом, впервые выделенным Н.Д. Кондратьевым в рамках его теории «длинных волн». Периоды ускорения технологического развития при массовом внедрении новых технологий сменяются периодами устойчивого долгосрочного экономического роста, с последующим выходом на плато и определенным «замиранием» динамики, в ходе чего происходит наработка новых технологий (на основе повышения их знаниеемкости) для очередного рывка.

Эти периодические рывки в развитии технологий, за которыми следуют мощные подвижки в социально-экономической системе, ассоциируются с технологическими революциями и сменой технологических укладов. Сегодня мы находимся на пороге перехода к шестому технологическому укладу, ядром которого являются НБИК-технологии.

Эта концепция строится на объединении и синергетическом усилении эффектов нано-, био-, информационных и когнитивных технологий. В основе этого синергетического эффекта лежат активизация информационного взаимодействия и эффект, который мы называем «ускорением ускорения НТП». Наблюдается за счет конвергенции технологий ядра нового технологического уклада их взаимное усиление, а также рост темпов развития вследствие ускорения процессов генерации и проникновения в производственную сферу нового технологического знания.

Для России очень важно, с практических позиций, «не проморгать» технологическую революцию. А такая опасность есть. Пандемия Covid-19, обострение политико-экономического противостояния ведущих мировых держав, возникновение новых «горячих точек» и другие важные, но всё же ситуативные явления и процессы отвлекают ресурсы. Итогом может быть «срыв» России с траектории развития очередной повышательной волны в рамках перехода к производствам шестого технологического уклада.

Мы и без этого существенно отстали от лидирующих стран во многих технологических областях, например в станкостроении, робототехнике, микроэлектронике. Но именно в период очередной технологической революции появляется возможность совершения рывка в развитии, перехода к технологиям очередного технологического уклада, минуя некоторые промежуточные этапы развития. И этой возможностью необходимо непременно воспользоваться.

Уделяя столь большое внимание технологическим аспектам развития, подчеркнем, что мы не являемся сторонниками технологического детерминизма. Главной целью развития, согласно нашим взглядам, является человек, наиболее полное удовлетворение его несимулятивных потребностей, раскрытие имеющегося у него потенциала.

Развитие технологий оказывает определяющее влияние на систему социальных институтов, следовательно, в существенной мере предопределяет состав, динамику и направленность экономических и социальных процессов. Приведем лишь один пример, на который, в частности, обращает внимание и ООН в рамках своих рекомендаций по достижению Целей устойчивого развития. Он касается т.н. «цифрового неравенства».

Различный уровень технологического развития в виде дифференциации стран и регионов по распространенности и доступности цифровой инфраструктуры и цифровых технологий не только производственного, но также социального и даже бытового характера, приводит к социальным диспропорциям, к формированию барьеров в развитии экономики и общества. И основой этих барьеров является невнимание или невозможность адекватного реагирования на вызовы технологической революции, связанные с цифровизацией.

Новые технологии меняют организацию и отраслевой состав экономики, трансформируют структуру занятости, их распространение приводит к появлению новых потребностей и способов их удовлетворения, и т.д. В результате формируется запрос на новые типы социальных институтов, новые модели поведения. В перспективе – на качественно новом уровне развития производительных сил – экономика, как система отношений между людьми по поводу производства, т.е. экономика в традиционном будет редуцироваться вплоть до полного ее исчезновения. Она заменится новой формой организации удовлетворения потребностей людей – ноономикой, в которой производственные процессы и процессы социальные будут разделены. Конечно, это – дело будущего. Но будущего, признаки наступления которого уже сегодня наблюдаются. И к нему надо готовиться. Мощь современных технологий настолько велика, что человечество стоит на исторической развилке: либо подчинить эту мощь социальным интересам, либо, в рамках усиления «фундаментально-рыночной» парадигмы развития, самому подчинится их слепой силе.

И тогда, например, утопия Герберта Уэллса, описанная в его «Машине времени», может оказаться нашим будущим. Возможны и другие апокалиптические сценарии расчеловечивания человека, деградации гуманистических идеалов, распада современного общества под влиянием технологического давления, опирающегося на бездумное стремление к прибыли и к удовлетворению все новых и новых симулятивных потребностей, что разрушает не только природу и общество, но и самого Человека.

Если развитие технологий не взять под общественный контроль, под «нооконтроль», имеется большая вероятность развития гиперкризиса уже в ближайшем будущем, на фоне которого локдауны, обрушение уровня жизни, массовая безработица, «схлопывание» целых отраслей и сопровождающие это социальные волнения, вызванные коронакризисом, покажутся незначительными.

Каковы основные черты этого потенциального гиперкризиса, как и где он может проявиться?

Во-первых, он может проявиться в собственно технологической, производственной сфере. Когда новые технологии, все более изощренные и совершенные, а также порождаемая ими отдельная сфера нашего бытия – техносфера будут последовательно «наступать» на общество.

Технологическое развитие во все времена преобразовывало жизнь людей, начиная с изобретения колеса и «приручения» огня. Но лишь сегодня это воздействие новых технологий может стать драматическим. Отличие современного этапа состоит в том, что за счет искусственного интеллекта, развития технологий накопления и обработки больших данных, техносфера интеллектуализируется. Итогом может стать ее доминирование, подчинение ей общества.

И это – вовсе не фантазии, не полуфантастические предсказания. С этими негативными эффектами мы сталкиваемся уже сегодня. Приведем такой пример, как создание беспилотного транспорта. Развитие в этой сфере во многом

тормозится не по технологическим или производственным причинам, хотя и здесь проблемы, конечно же, имеются. Возникли сложности с разработкой и институционализацией в правовых актах «машинной» этики, этики роботов.

Робот, управляющий беспилотным транспортным средством, должен принимать решения не только технического свойства – о скорости и траектории движения, совершении маневров и т.д., но и решения, имеющие социальные последствия, связанные с сохранением жизни и здоровья людей, использованием материальных ценностей и др.

Эти вопросы актуализировались уже сегодня. И без их глубокого изучения, изучения, в основе которого должны лежать принципы нооразвития, их эффективное решение невозможно.

Во-вторых, речь идет об экологическом кризисе. Цифры, описывающие проблемы в этой сфере, известны. Развитие технологий приводит не только к повышению комфортности для людей, более полному удовлетворению их нормальных потребностей, но и – в условиях экономической парадигмы удовлетворения человеческих потребностей – к разрастанию потребностей симулятивных. Итогом этого является не оправдываемый никакими объективными обстоятельствами рост ресурсопотребления, возрастание объемов отходов, тепловое и шумовое загрязнение окружающей среды и т.д.

В итоге создается парадоксальная ситуация – развитие технологий, ориентированное, казалось бы, на рост благосостояния, вытесняет человека из его природной среды обитания, при этом ухудшая ее. Экологическая проблема очень остра. И решена она может быть, в том числе, за счет технологического развития, гармонизированного с развитием экономическим и социальным.

В-третьих, технологии меняют экономику. Производства старых технологических укладов, устаревшие производства и далее будут «уходить со сцены». Но их разрушение не может быть безболезненным. Особенно зримо это проявляется в нашей стране. Например, в России, по официальным данным, сейчас имеется 321 моногород. Крупнейший из них – Тольятти, где проживает свыше 700 тыс. человек. Как правило, в основе экономики такого поселения – крупное промышленное производство и выстроенный вокруг него кластер производств – обеспечивающих, обслуживающих, вспомогательных.

Возникли моногорода в советское время, десятилетия назад. Их якорные предприятия выстроены на устаревших ныне технологиях. И реструктуризация подобных производств является не только экономической, но и серьезной социальной, государственной стратегической проблемой.

Экономический аспект может быть рассмотрен и в международном срезе. В мире сегодня происходит активное перераспределение сил между «экономическими игроками». На первые роли выходят те страны, экономики которых базируются на активном внедрении инноваций, на производствах прогрессивных технологических укладов.

Указанное перераспределение центров экономической активности, экономических ресурсов и выгод от их использования кардинально перестраивает экономику на глобальном, национальном и региональном уровнях. Масштаб этих процессов требует активного привлечения государственных ресурсов, активизации промышленной политики.

Наконец, *в-четвертых*, технологические трансформации меняют модели общественных отношений. Простейшие примеры – проведение научных конгрессов в удаленном интерактивном режиме, онлайн-торговля и пр. При этом формируются другие типы взаимодействия людей. Эта возможность дана новыми технологиями, которые вышли из эмбриональной стадии развития, сформировали развитую инфраструктуру и активно преобразуют общество.

Еще один характерный пример – социальные технологии доверия, выстроенные на блокчейне. Они способны кардинально изменить и деловое, и профессиональное, и социальное взаимодействие, трансформировать государственное и муниципальное управление и т.д. Но, опять же, неумелое и неэффективное использование новых

технологических возможностей способно привести к социальным кризисам, например – в рамках уже упоминавшегося выше углубления цифрового неравенства.

Подчеркнем: все рассмотренные выше предпосылки для многовекторного углубления гиперкризиса, охватывающего ключевые области нашей действительности, вызванные взрывообразным развитием технологий, возникли не сегодня. Они формировались на протяжении нескольких последних десятилетий, по мере того, как в недрах существующей модели развития вызревало ядро нового технологического уклада.

Пандемия новой коронавирусной инфекции стала триггером, который обнажил те проблемы, которые ранее казались делом отдаленного будущего, а то и вовсе многими экспертом не воспринимались как важные. Именно поэтому необходима активизация исследований в русле развития ранее сформулированных нами идей НИО.2 и ноономики. Сегодня это уже – не вопрос «чистой науки», такая необходимость обусловлена насущными потребностями практики.

3. Переход к НИО.2 и ноономике как магистральный путь преодоления цивилизационного кризиса

Сегодня мир стоит на перепутье, в своеобразной точке бифуркации. Цивилизационный выбор, о необходимости которого мы говорили ранее, совершение которого казалось делом отдаленного будущего, вследствие коронакризиса приблизился.

Прогрессивная траектория будущего развития нам видится как переход на первой стадии (через активную реиндустриализацию на новой технологической основе) к НИО.2, на второй (через модернизацию системы экономических и социальных институтов, опережающее развитие культуры, науки и образования) – к ноообществу на материальной основе ноономики.

Сегодня наблюдаемые тенденции технологического развития не всегда могут уместиться в «прокрустово ложе» традиционных правил рыночного регулирования и саморегулирования. Выход новых технологий за пределы собственно производства, активный охват ими сферы социального взаимодействия требует соответствующего изменения правил регулирования, мировоззрения и, следовательно, всей системы культуры и образования – как инструмента наследования этой культуры.

Развитие рыночной экономики подчинено главной цели – максимизации прибыли, что, как отмечал еще Аристотель в своей противоречит самому естеству человека. «Зацикленность» на экономических мотивах и стимулах, сформированная как теоретико-экономическая конструкция, позволявшая на уровне абстрактных теоретических моделей лучше понять поведение экономических субъектов на микроуровне, сегодня некоторыми стала восприниматься как основополагающий принцип функционирования общества.

Но это – не так.

Рыночная модель выстроена на идее постоянного роста, экспансии. Причем рост этот является настолько необходимым, что в его отсутствие экономика начинает стагнировать, а общество испытывать сложности. Отсюда в наши дни перманентное надувание «пузырей» на фондовом рынке, формирование и стимулирование развития симулятивных потребностей, зачастую попросту алогичных, и т.д.

В основе всех этих противоречий – антропоцентричность, и даже – «зооцентричность», но не социоцентричность существующей модели. В ней изначально постулируется наличие и неразрешимость противоречий между частным, индивидуальным и общественным, социальным, а также даже, что еще более важно, между «зоо»- и «ноо»-сущностью самого человека. Поэтому индивиды, отдельные люди, компании (фирмы), народы (и выражающие их интересы государства) и иные социальные группы постоянно находятся в конкуренции, борьбе. В режиме борьбы «все против всех». Конкуренция не в формате мягкого соперничества, а в формате «гонки за выживание» становится основополагающим принципом существования как в экономике, так и в обществе в целом.

В основе рассматриваемой модели – экономическое «рацио», рациональность, понимаемая сугубо технически, узко, устанавливаемая в качестве позитивного критерия успеха постоянный рост дохода, что позволяет наращивать потребление вне зависимости от того, необходимо ли это. А так ли это? Очевидно, что нет. То есть, лежащая в основе современной экономики и общества критериальная база, определяющая поведение членов общества и хозяйствующих субъектов, не соответствует фундаментальным социальным принципам, принципам культурным и гуманистическим, нравственным ценностям. Именно поэтому необходима иная критериальная база, выстроенная на «ноо»-принципах, принципах разумности, ответственности и этичности. По сути дела – это современное прочтение категорического императива Иммануила Канта, который ориентирует нас на согласование частных и социальных интересов, снятие между ними противоречия.

Эта идея заложена как основополагающая в концепцию ноономики.

Последовательная реализация этих положений, переход к новой критериальной базе возможны при условии одновременного/синхронного технологического развития, что раскрепощает творческие силы человека, выводя его из сферы непосредственно производства и ставя его, как провидчески отмечал Карл Маркс, «над ним». А также – развития культурного и социального, что требует институционального переустройства.

Развитие материального базиса современного общества за счет ускорения технологического прогресса, стремительного развития техносферы и ее всё большей автономизации приводит к тому, что производство становится все более безлюдным, людям в нем отводятся регулирующие, координирующие и контролирующие функции; постепенно техносфера и вовсе начинает развиваться и функционировать самостоятельно – конечно, направляемая человеком.

Итогом этого развития является то, что экономика в привычном, традиционном восприятии этого термина и этого феномена, перестанет существовать. Возникнет новая форма организации производственной деятельности – ноономика, где люди будут выведены за контур собственно хозяйственных процессов. Отношения между людьми по поводу производства благ исчезнут, эти процессы сконцентрируются в техносфере.

Возникнет ноообщество, в котором изменится критериальная база принятия решений, а социальные и гуманитарные приоритеты станут первичными.

При этом следует особо отметить, что ноо-переход не может случиться автоматически. Для его осуществления требуется существенная перестройка общественных институтов, изменения самого «качества» человека – его мировоззрения, культурного уровня и нравственных ценностей – в сторону превалирования в нем качеств ноо-человека.

Таким образом, ноономика ставит во главу угла не частную погоню за прибылью или иным доходом, что достигается хаотической игрой рыночных сил, а разумное (мы даже говорим: «ноо-стремление») стремление к удовлетворению конкретных потребностей, оцениваемых как разумные (ноопотребностей). Соответственно, уровень насыщения этих разумных потребностей выступает в качестве конкретных целей производства. Это предполагает определенную программу действий, которая возвышается над рыночным хаосом, придавая производству более планомерный и упорядоченный характер.

На нооэтапе развития ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам останется подчиненным обществу. Сфера целеполагания, формулировка задач, контроль над допустимыми средствами их реализации в техносфере – все это останется в сфере отношений человеческого общества. Автономные техносущности, функционирующие в сфере ноопроизводства и способные к саморазвитию, будут зависимы от человеческого общества, которое будет определять ограничения их саморазвития, блокируя те направления, которые не несут пользу обществу, и ориентируя функционирование и развитие ноопроизводства в направлениях, необходимых человеку.

Вся эта конструкция, предусмотренная в теории ноономики, может развиваться только тогда, когда человек параллельно одним знаниям (в частности, технологическим знаниям и прочим научно-естественным) будет усваивать и другие знания. Что именно? Именно – знание и познание мира как мира культуры, как мира самоограничения, осознанного самоограничения своих потребностей.

В свое время человек вышел из мира природы. Человек – биологическое существо. Зоо-начало в нем первично. На базе этого начала основные современные общественные институты и возникли. Но ведь существует еще, кроме «зоо», наш разум, существует «ноо». Человек может и в состоянии научить себя не требовать того, что наносит ему самому вред. Чем дальше он развивается, тем больше он Ноо-человек, а не зоо-человек, оставаясь био-человеком (с возможными «технокоррекциями»).

Теории Нового индустриального общества второго поколения и ноономики подсказывает нам тот путь, который предстоит пройти. Именно этим, видимо, вызван тот неподдельный интерес, который проявляется в обсуждении этих теорий.

В то же время открытым остается вопрос выбора инструментов, способов такого развития.

4. Квадрига ноономики: компоненты генезиса и факторы нооразвития

Эти способы должны, безусловно, опираться не на те изменения, которые неизбежны и которые мы прогнозируем, предсказываем в своих исследованиях, а на те явления, которые мы уже имеем возможность наблюдать. Это придает нашим теоретическим построениям операционный аспект, создает предпосылки для их практического конструктивного воплощения.

Анализ показывает, что такого рода основных предпосылок четыре, которые мы предлагаем объединить, рассматривая своеобразную «квадригу» (по ассоциации с «тройкой, птицей-тройкой», о которой столь образно написал российский классик Михаил Васильевич Гоголь, которая, символизируя Русь, несется стремительно по выбранной дороге; но предпосылок – четыре, поэтому – «квадрига», не тройка, а четверка лошадей, несущая колесницу истории, не менее эмоциональный образ античных времен; т.о., нами выбран термин, насыщенный не только количественной определенностью, но и эмоционально-образным содержанием).

Предлагаемая квадрига объединяет ряд явлений и трендов, наблюдаемых в современном обществе, которые явно указывают на формирование и постепенное вхождение в практику тех факторов, которые, являясь одновременно его источниками, определяют генезис нооразвития. Это:

- НТП и развитие высокотехнологичного производства уровня НИО.2 как материальная основа генезиса ноономики;
- диффузия собственности как фундаментальное изменение институциональной основы экономического общества;
- социализация общества как социальный тренд развития;
- солидаризм как идейная платформа реализации перехода к НИО.2 и ноообществу.

Следует подчеркнуть, что эти четыре элемента, четыре «вектора» цивилизационного развития, не существуют по отдельности друг от друга, они формируют сложную синергетическую общность, «равнодействующую четверки векторов», отдельные элементы (векторы) которой активно и целенаправленно влияя друг на друга, формируют траекторию движения к ноономике, направляют «квадригу» по этой магистрали.

Первый фактор (вектор) – научно-технический прогресс и производство, переходящее в ходе сменяющихся друг друга технологических укладов и революций в производство с редуцирующим участием человека и технологически предельно эффективное (оптимизация затрат материалов, энергии, времени и др.).

Мы уже говорили выше о том, что современный мир находится в стадии революционного технологического изменения. И в период пандемии, когда повсеместно стали внедряться технологии телеработы, это стало особенно отчетливо видно. Важно подчеркнуть, что отдельные новые технологии все чаще используются не изолированно друг от друга, что приводит к локальным улучшениям, а в комплексе.

Например, цифровизация бизнес-взаимодействия и технологических процессов породила «умные фабрики» и аддитивное производство, лучшее понимание когнитивных процессов привело к прогрессу в методах социальной инженерии и построению дружественного искусственного интеллекта, способного поддерживать аналогичный человеческому стиль общения, оказывать помощь людям в решении их житейских проблем, и т.д.

Интересно отметить, что технологическое развитие идет практически параллельно как в собственно производственной и связанной с ней сферах, так и в социальном взаимодействии. Этого раньше не наблюдалось. Например, смартфоны широко используются людьми не только для общения, но и для управления «умным домом», а в производственных приложениях – для контроля технологических процессов.

Эта интегративность – новое свойство современного НТП, которое приводит к разрушению границ не только между отдельными профессиональными и социальными областями, но и между экономикой и обществом, досугом и занятостью, делает нашу жизнь более цельной и затрудняет применение к ней линейных принципов традиционной экономической рациональности.

Второй фактор – диффузия собственности и трансформация экономического способ удовлетворения потребностей в неэкономический.

Этот вектор в квадриге очень важен.

Как известно, собственность является одним из ключевых институтов традиционной экономической организации. Она составляет основу экономического способа удовлетворения потребностей людей. Еще в нормах римского права было четко зафиксировано значение собственности для экономики и общества. С незначительными изменениями эти правила действуют и сегодня во многих странах.

При этом особая роль традиционно отводится титулу собственности. Почему? Потому что владение собственностью обеспечивает получение выгоды от нее – в частности, прибыли.

В современных правовых системах право получения бенефита от собственности в любой его форме (натуральной, финансовой, эмоциональной, духовной) – неотъемлемое право собственника (в английском праве, к примеру, право владения собственностью и право получения бенефита от собственности вообще даже юридически разделено).

Собственник может получать доход от эксплуатации собственности, от сдачи ее в аренду и т.д., или же нематериальные выгоды, например, ощущение гордости от владения ею, или иметь вследствие владения ею (например, дорогими часами, статусным автомобилем, жильем в престижном районе и т.д.) некое особое положение в обществе, без владения которой он бы его не имел.

В основе традиционного понимания собственности, ее природы – монополия на те или иные материальные и духовные блага, которые принадлежат собственнику. Монопольный контроль за объектами собственности позволяет извлекать выгоды и присваивать эти выгоды.

Но уже с начала XX века появились и начали постепенно проявляться теоретические предпосылки для разрушения такого взгляда на собственность.

Описание этих процессов появилось, в частности, в институциональной экономической теории прав собственности, суть которой состояла в том, что ранее воспринимавшееся как монолитное, право собственности, оказывается, может быть разделено на «пучок» отдельных правомочий, оперировать которыми можно по

отдельности, то есть – понимание собственности как чего-то единого и неделимого стало размываться.

В пределе это размывание может привести к тому, что понятие собственности будет всё более и более «диффузным».

Термин «диффузия» имеет неоднозначную трактовку. Это – и распространение, и растекание чего-то, и даже взаимодействие некоей субстанции с чем-либо. В физике часто под диффузией понимают проникновение молекул или атомов одного вещества между молекулами или атомами другого вещества. Мы, подбирая термин для обозначения явления в экономике, относящегося к процессам, происходящим с институтом собственности, отталкивались от иного, первичного значения слова *diffusio* – «рассеяние». Т.о., процесс снижения значения института собственности как базового института реализации современного способа удовлетворения потребностей людей мы назвали диффузией собственности, подразумевая постепенное снижение такового значения вплоть до его полного исчезновения в процессе цивилизационного развития по первому вектору – насыщения реальных потребностей за счет НТП и развития индустрии 4.0 и далее.

Однако, напомним, в классической политэкономии есть важное утверждение: собственность – это, вообще говоря, не вещи сами по себе, и не право распоряжаться ими, а общественное отношение людей по поводу вещей. Эти отношения, в отличие от вещей, не есть величина постоянная, они меняются в процессе общественного развития. Т.о., поскольку изменение самих экономических отношений обусловлено изменениями, происходящими с институтом собственности, то диффузия собственности редуцирует и экономические отношения, которые станут всё более уступать место отношениям, не навязанным экономической логикой, неэкономическим, приводя к неэкономическому способу удовлетворения потребностей, то есть – к ноообществу. Диффундирование, вплоть до полного исчезновения (не одномоментное, а постепенное, эволюционное), института собственности, составляющего основу экономического общества, неминуемо подводит нас к формированию новой институциональной основы жизнедеятельности людей, ноономики.

Подчеркнем, что речь не идет об отъеме в какой-либо форме собственности у ее владельцев, речь не идет о революционной экспроприации. Суть идеи диффузии собственности состоит в том, что она обеспечит ноопереход, при должной его организации и подготовке, при правильном нашем понимании его сути и – главное – его неизбежности, в бесконфликтном варианте, постепенно, в условиях социального консенсуса.

При традиционном исследовании проблемы диффузии собственности рассматривается разделение бенефитов:

- либо между сособственниками по долям или иным условиям (к примеру, по условиям акционерного общества или акционерного соглашения, по договорным условиям и т.п.);

- либо между временными владельцами и титульными собственниками (см. такие известные явления, как, например, кар-шеринг);

- либо между собственниками и людьми, извлекающими бенефит из ее временного производительного использования.

Если первый аспект является традиционным и касается регулирования отношений в области коллективной (совместной) собственности, то второй и третий возникли сравнительно недавно и стремительно набирают популярность по причине высокой экономической эффективности подобных режимов использования собственности. При этом, однако, получается, что сегодня титул собственности утрачивает свое не только «сакральное», но и утилитарное значение.

В то же время бурное технологическое развитие позволяет такое «расщепление» использования собственности осуществлять чуть ли не автоматически. Это и упоминавшийся уже каршеринг, и аренда с загрузкой собственными задачами

производственных мощностей на «умных фабриках», и центры коллективного пользования в науке и образовании, и многое другое.

За счет технологий же упрощаются и процедуры государственного (т.е. со стороны общества) контроля за использованием собственности. Это использование становится более прозрачным, что создает предпосылки для подчинения режимом использования собственности общественным интересам. Принципы ноономики, таким образом, постепенно диффундируют и в эту сферу.

Наконец, наиболее концентрированным проявлением диффузии собственности является постепенное снижение ее значения для удовлетворения потребностей людей. Свою роль здесь играет и экономическая рациональность (приводящая к т.н. «отказу от собственности»), и возрастание ноокритериального аспекта критериальной базы отправления и оформления потребностей социума – яркими примерами могут быть волонтерство, социальное спонсорство и т.п.

Следует подчеркнуть, что на любом из этапов общественной эволюции направления распределения бенефитов и пропорции этого распределения должны быть сбалансированы. Если это условие не выполняется, наблюдается излишнее превалирование одного индивида или социальной группы над другой, возникает социальное напряжение, зреет конфликт.

Итогом этого является либо потеря интереса ущемленной стороны к совместному использованию объекта собственности, что ведет к снижению эффективности, либо попытки силовым путем изменить статус-кво. Такого рода примеров в истории немало. Более перспективная практика – поддержание заинтересованности всех стейкхолдеров в совместном использовании собственности. Это требует ноомышления, основанного на учете интересов и стремлений других членов общества.

Третий фактор – социализация общества и развитие ноокачеств человека.

Описанные выше процессы движения по двум первым векторам ведут к тому, что человек должен обретать – вынужденно и/или осознанно, – всё большую социальную ответственность, становясь всё более «социальным», все более культурным, думающим о своей общественной миссии, продвигаясь от «зоо» к «ноо» – как в отношении формирования своего поведения в обществе, так и в отношении формирования критериальной базы этого поведения, мотивов, нравственно-ценностного ядра.

Но – социализирующийся человек, в свою очередь, также воздействует на общество, его институты – экономические, социальные, политические и др. Т.е., человек социализирует общество.

Это – не что иное, как социализация общества.

Причем происходить она должна в динамическом режиме.

Действительно, интересы людей беспрестанно меняются, возникают новые потребности, удовлетворяются существующие, возникают привычки, появляются ограничения и т.д. Это значит, что сохранение баланса интересов, «равновесия» сособственников будет непрерывно самовозобновляться. То есть, налицо тесная связь процесса диффузии собственности с процессом социализации общества.

При этом очевиден и такой момент: чем выше уровень социализации общества, чем ближе его нравственно-ценностное ядро к критериальной базе «ноо», тем больше сдвиг баланса распределения бенефитов в рамках процесса диффузии собственности будет происходить в сторону удовлетворения общественных интересов, общественного запроса, и тем больше будет теряться, снижаться значение института собственности для удовлетворения человеческих потребностей.

Т.о., диффузия собственности и рост уровня социализации общества есть тесно взаимосвязанные процессы, с разных сторон объективно обеспечивающие движение к ноообщественному устройству и становящиеся источниками генезиса ноообщества, являющиеся неотъемлемыми частями процесса перехода к нему.

Но социализация – макропроцесс, он проявляется в обществе в целом. Он невозможен, если он не будет подкреплён идеологической «динамикой» на всех «этажах» социума, которая определяется таким явлением, как солидаризм.

Четвёртый фактор и вектор развития – солидаризм. Очевидно, что динамическое поддержание баланса интересов требует понимания необходимости этого как со стороны отдельных индивидов, так и различных по численности социальных групп. Принципы конкурентности и получения односторонних преимуществ, заложенные в рыночной парадигме, здесь не работают.

Современная модель экономики и общества основана на получении субъектом преимущества и выгоды для себя, на превалировании одного субъекта над другим. И традиционный институт собственности, основанный на монополии, поддерживает эту тенденцию. Но учёт интересов других субъектов приводит к необходимости солидарного решения хозяйственных и социальных вопросов.

Понимание этого нашло отражение, например в концепции со-конкуренции (сотрудничество + конкуренция, англ. *co-competition*), в теории пяти конкурентных сил Майкла Портера, а в новейшей российской истории – во включении требования солидаристских принципов функционирования общества в Конституцию страны.

Солидаризм – объективное условие генезиса ноообщества. По сути, он является идейной платформой для перехода к его новому состоянию.

В квадриге нооэкономики первый элемент относится к техносфере, три оставшихся имеют институциональный, социальный характер. Помимо того, что они тесно связаны между собой и обуславливают друг друга, все они опираются на достижения НТП, который также является предпосылкой генезиса «ноо».

Ещё раз подчеркнем определяющую роль НТП в движении к новой организации общества и производства на ноопринципах. С теоретических позиций, рассмотренные нами конструкции могли разрабатываться и ранее. Скорее всего, воспринимались бы они как утопия, которая не может быть воплощена на практике.

Но развитие технологическое, развитие очень бурное, свидетелями которого мы сейчас являемся, играет ключевую роль в том, что эти конструкции приобретают реальные очертания. Они становятся не только потенциально реализуемыми. Отдельные их элементы уже сегодня «прорисовываются», наблюдаются в реальной жизни. Подтверждающие это тренды мы наблюдаем буквально каждый день. И – всё больше и отчетливее.

Важно подчеркнуть, что рассмотренная нами квадрига составляет основу для перехода к новой организации общества. Задействование всех ее элементов позволит не только осуществить этот переход, но – что крайне значимо для нашей сохранения жизнеспособности цивилизации – «обойти» точку бифуркации, осуществить переход бесконфликтно.

Движение по равнодействующей векторов квадриги нооэкономики имеет принципиальное значение для нооперехода, для его теоретического осмысления и практического осуществления. НТП и развивающаяся индустрия нового поколения создают материальные условия этого перехода. Диффузия собственности, как следствие НТП и естественного развития этого института, обеспечивает изменение механизма удовлетворения потребностей. Процесс социализации общества создает новое духовно-культурно-ценностное ядро и критериальную базу перехода. Солидаризм – идеологическая платформа перехода.

С.Д. Бодрунов. Ноономика: базовые векторы генезиса / Научные доклады Института
нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте / СПб.: ИНИР, 2020. – 23 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 14.12.2020.
Тираж 1000 экз. 23 с.
Заказ № 26500458

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16